

1 сентября 2021 г.

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ**  
**Ломакиной Полины Александровны**  
**на тему «Правовое регулирование общих обязательств супругов»**  
**на соискание ученой степени кандидата юридических наук**

«Husband and wife are one»  
*(английская юридическая мудрость)*  
«Муж и жена одна сатана»  
*(русская народная мудрость)*

1. Работа написана на актуальную тему – наше современное семейное право до сих пор, увы, во многом наследует советскому, для которого в силу ограниченности участия граждан в обороте была мало актуальной проблематика общих обязательств супругов.  
В связи с этим задача обсудить этот вопрос с точки зрения развитой рыночной экономики и соответственно развитого гражданского права является очень важной для того, чтобы обеспечить нормальное участие семьи в гражданском обороте.  
Автор в своем исследовании делает один из первых и важных шагов на пути решения этой сложной задачи.
2. Отдельно стоит положительно оценить внимание автора к тому, как вопросы, связанные с общими долгами супругов, решаются в случае банкротства, поскольку банкротству наш Семейный кодекс (далее – СК) (в силу отмеченного выше постсоветского происхождения), увы, пока не уделяет вообще никакого внимания – и это при том, что, как показывает опыт стран, где банкротство граждан существует уже давно, развод является одной из частых причин банкротства, и наоборот.
3. Следует поддержать следующие выводы автора:
  - 1) «в случае признания одного из супругов несостоятельным (банкротом) и неполучения кредитором по общему обязательству полного

- удовлетворения в деле о банкротстве общий долг не погашается окончательно. Кредитор имеет право предъявить требование в оставшейся части к супругу должника-банкрота» (стр. 15 и 128 диссертации);
- 2) «банкротство одного солидарного должника не прекращает обязанность другого» (стр. 128 диссертации);
  - 3) регрессное требование одного из супругов к другому возникает лишь в том случае, если общий долг был погашен за счет личного имущества супруга, а в случае исполнения солидарной обязанности путем передачи кредитору общего имущества право на регресс отсутствует, при этом бремя доказывания личного характера истраченных средств возлагается на заявляющего регрессное требование супруга, причем этот подход должен применяться и в ситуации, когда один из супругов заплатил по поручительству за другого (стр. 15-16, 154 и 160 диссертации);
  - 4) «долги, возникшие из обязательств, связанных с осуществлением одним из супругов предпринимательской деятельности, не должны автоматически исключаться из числа совместных» (стр. 16 и 34-35 диссертации);
  - 5) «поступление имущества, приобретенного за счет средств, полученных одним из супругов в рамках его предпринимательской деятельности, в совместную собственность супругов само по себе является основанием для признания долга совместным» (стр. 16 диссертации);
  - 6) «возможность добровольного раздела супругами общего имущества (включая долги) делает необходимым распространение на их кредиторов гарантий, предусмотренных для кредиторов супругов, заключивших, изменивших или расторгнувших брачный договор (ст. 46 СК РФ), поскольку по своим правовым последствиям соглашение о разделе имущества и брачный договор чрезвычайно близки» (стр. 16-17 диссертации);
  - 7) «необходимо сделать публичной информацию об удостоверенных нотариусами соглашениях о разделе имущества» (стр. 17 и 82 диссертации);
  - 8) «в случае банкротства одного из супругов и заявления кредитора о том, что определенный долг является общим, на супруге, возражающем против обращения взыскания на общее имущество или против признания обязательства общим, лежит бремя доказывания того, что средства, полученные по обязательству, потрачены не на нужды семьи» (стр. 17 диссертации);
  - 9) «предполагается, что благополучие семьи, а значит, и ее интересы, и нужды, складывается из интересов каждого члена семьи. Поэтому даже затраты на образование одного из супругов являются расходами в интересах семьи» (стр. 32 диссертации);
  - 10) «долги входят в состав имущества, и в частности, в состав супружеского имущества» (стр. 46 диссертации);
  - 11) кредиторы вправе оспаривать соглашения супругов о разделе общего имущества, в частности, в случае банкротства одного из супругов или

их обоих сделки по распоряжению общим имуществом, в том числе соглашения о его разделе, могут быть оспорены как сделки во вред кредитору (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве) (стр. 70 и 74 диссертации);

- 12) «вряд ли следует признать правильным ограничение свободы распоряжения имуществом (а именно активами) [путем закрепления всего имущества за одним из супругов при отсутствии какой-либо компенсации другому], пока не доказано, что такое распоряжение сделано с противоправными целями или нарушает права третьих лиц (например, кредиторов)» (стр. 74-75 диссертации);
- 13) «соглашения, по которым все активы будут закреплены за одним супругом, а все пассивы за другим, по общему правилу всегда будут ущемлять интересы кредиторов, поскольку после такого раздела объем имущества, обеспечивающего требования кредиторов, существенно уменьшится» (стр. 76 диссертации);
- 14) уменьшение имущественной массы, обеспечивающей требования кредиторов по общим долгам супругов, вследствие расторжения брака недопустимо, оно ведет к ущемлению интересов кредиторов (стр. 85 диссертации);
- 15) «система раздельности супружеского имущества в своем чистом виде не позволяет приемлемо решить вопрос его распределения при расторжении брака» (стр. 111 диссертации);
- 16) «вопрос о разделе активов не должен решаться изолированно от определения судьбы долгов» (стр. 121 диссертации);
- 17) если, передавая денежные средства в заем, кредитор не знал, что заемщик состоит в браке, а денежные средства были потрачены последним на нужды семьи, то при банкротстве супруга списание этого долга не произойдет при незаявлении кредитором своего требования по причине незнания кредитором об общем характере долга (стр. 135 диссертации) (в связи с этим интересно было бы узнать мнение автора о том, должно ли презюмироваться знание кредитора о браке, учитывая, что по общему правилу при регистрации брака об этом ставится штамп в паспорт (хотя недавно это правило стало добровольным) и индивидуализация гражданина в норме осуществляется именно по паспорту);
- 18) «тот факт, что права на некоторые объекты общего имущества зарегистрированы за супругом должника, не может быть основанием для неприменения п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве» (стр. 151 диссертации);
- 19) «автоматическое распределение между супругами всех платежей по погашению общих долгов, совершенных после расторжения брака (прекращения семейных отношений), следует признать неверным» (стр. 156 диссертации);
- 20) «если спустя короткий период времени после развода супруг совершает платеж, многократно превышающий доход, полученный им за это время, у суда должны возникнуть обоснованные сомнения в том, что

деньги, перечисленные кредитору, были заработаны после расторжения брака и что в эту сумму не включены сбережения, накопленные в браке и являющиеся общей собственностью супругов» (стр. 156 диссертации).

**4. В работе имеются и следующие спорные моменты, вызывающие возражения.**

5. Прежде всего, мы не согласны с общей идеей автора о том, что наше право не предусматривает презумпции общего характера обязательств, возникших в период брака (стр. 12 диссертации).

6. На наш взгляд, прямо предусмотренная СК презумпция общности собственности (активов), приобретенных в период брака, неизбежно влечет и презумпцию общности обязательств (пассивов), возникших в период брака.

Это связано прежде всего с тем, что в норме собственность приобретается на основании договора, предусматривающего встречное предоставление – купли-продажи, мены, подряда, услуг – и потому явно несправедливым будет решение, когда получаемое одним из супругов предоставление поступало бы в общую собственность, а обязательство произвести за него встречное предоставление лежало бы только на одном из супругов.

Показательно, что автор и сама признает, что парадоксальна ситуация, когда «заемное обязательство, за счет которого был приобретен актив, признается личным долгом заемщика, но сам актив признается собственной собственностью обоих супругов» (стр. 6 и 34 диссертации).

7. По этой причине мы не согласны и с доводом автора о том, что презумпция согласия одного супруга на сделки другого супруга по распоряжению общим имуществом должна пониматься ограничительно и не влечет автоматического признания всех обязательств супругов общими (стр. 13 и 50 диссертации).

В условиях действующей в России (как и в большинстве стран) каузальной модели передачи собственности, презумпция согласия, чтобы быть рабочей, должна означать согласие как на распорядительную сделку по передаче права собственности, так и на обязательственную сделку, во исполнение которой передается собственность.

Если же следовать логике автора, сделавший предоплату за машину покупатель в судебном процессе об обязанности продавца передать эту машину может столкнуться с возражением супруга продавца о том, что он не давал согласия на возникновение обязательства передать машину в собственность покупателя (и это при том, что предоплата уже поступила в совместную собственность продавца и его супруга).

Показательно, что на стр. 29 диссертации автор воспроизводит без критики позицию Ю.А. Королева о том, что «к общим (в узком смысле) относятся также обязательства, вытекающие из сделок по распоряжению общим имуществом супругов независимо от того, кем из супругов фактически сделка заключена».

8. Вызывает возражение довод автора о том, что «признание любых долгов одного супруга молчаливо одобренными другим, а потому общими представляется несправедливым, поскольку не обеспечивает соблюдение баланса интересов. Супруг должника не всегда знает об обязательстве, и, следовательно, не всегда может выразить несогласие на сделку в момент ее совершения» (стр. 13 и 53 диссертации), поскольку он равно применим и к не оспариваемой автором презумпции согласия на распоряжение собственностью.  
Непонятно, почему подарить машину другу супруг может при полном неведении другого супруга, и это устраивает автора (см., напр., стр. 54-55 диссертации), а вот взять кредит на покупку машины супруг может только с согласия другого супруга.
9. Догматически связь общности долгов с общностью собственности вытекает из того, что отношения супругов являются разновидностью отношений товарищества – договора о ведении общего дела.  
Общность дела как раз и проявляется в том, что все результаты общего дела становятся общими – и собственность (п. 1 ст. 1043 ГК), и обязательства (ст. 1047 ГК).  
Жаль, что лишь один раз в диссертации автор приближается к пониманию семьи как обособленной правосубъектной имущественной массы (разновидностью которой является и товарищество), когда пишет, что с точки зрения кредиторов по общим долгам супругов супруги выступают в обороте как единое целое (стр. 80 диссертации).
10. Понимание брака как разновидности товарищества объясняет и то, почему поведение одного из супругов создает не только права, но и обязанности для обоих супругов – именно такое общее правило о наличии у каждого товарища полномочия действовать от имени всех товарищей и предусмотрено абз. 2 п. 1 ст. 1044 ГК.
11. С точки зрения конструкции товарищества также становится понятна сходность способов защиты кредиторов при разделе общего имущества супругов и при реорганизации в форме разделения, на которую обратила внимание автор (стр. 79-80 диссертации).
12. Аргумент автора о том, что отсутствие презумпции общности долгов подтверждается самим фактом существования совместных и личных обязательств (стр. 12 диссертации), неубедителен, поскольку в случае с собственностью, презумпцию общности которой автор не оспаривает, также в самом СК есть разделение на общее и личное имущество супругов.
13. Довод автора о том, что отсутствие презумпции общности долгов подтверждается необходимостью доказывания расходования полученного по обязательству на нужды семьи для распространения ответственности по нему на супруга, не участвующего в обязательстве (стр. 12 диссертации), является логически порочным – если считать, что общность долгов презюмируется, то и расходование на нужды семьи должно презюмироваться, и наоборот, выводов о презюмировании

траты на общие нужды семьи вытекает из презюмирования общности долгов.

14. С точки зрения семьи как союза, основанного на «чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов» (абз. 2 п. 1 ст. 1 СК), правильным будет как раз презюмировать трату полученного на нужды семьи.

Отстаиваемая автором вслед за судебной практикой судов общей юрисдикции презумпция того, что супруг потратил полученное не на нужды семьи, противоречит как отмеченной правовой конструкции семьи, так и в целом общей презумпции добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК).

Явным неуважением к супругам является предположение того, что каждый из них, вступая в обязательство, действует не в интересах семьи, а вопреки ее интересам.

15. По изложенным причинам мы не согласны и с доводом автора о том, что в российском праве отсутствует презумпция расходования средств, полученных одним из супругов в период брака по обязательству, на нужды семьи, и потому супруг, претендующий на общность долга, должен доказывать такое расходование (стр. 13 и 62 диссертации).

Такое решение, помимо вышеизложенных догматических недостатков, является и крайне неудобным для супругов, которые в период брака должны все время думать о возможном разводе и составлять и хранить документы, подтверждающие расходование ими заемных средств на нужды семьи (причем, видимо, каждый супруг должен завести свой отдельный сейф для хранения таких документов во избежание их кражи или уничтожения другим супругом).

Однако проповедование такого отношения супругов друг к другу вступает в радикальное противоречие с уже отмечавшейся выше сутью семьи как высшей формы взаимного доверия.

На то она и семья, чтобы не оформлять и не хранить документы о внутрисемейных отношениях.

16. Неверной является аргументация автора, доказывающего свой тезис об отсутствии презумпции расходования на нужды семьи тем, что якобы деньгами фактически распоряжался тот супруг, который их получил (стр. 14 и 62 диссертации).

Однако то, что деньги фактически получил один супруг, совершенно не обязательно означает, что он же их и потратил.

Проблема как раз в том, что мы частно не знаем, куда и как они были потрачены.

Ситуация, когда кредит оформляет один из супругов, а фактически деньги тратит другой, нередко встречается в жизни, и неясно, почему автор убежден в том, что именно у оформившего кредит (особенно наличными) всегда есть документы о том, на что он был потрачен (стр. 14 диссертации).

17. Довод автора о том, что нельзя возлагать на супруга, не заключавшего сделку, бремя доказывания отрицательного факта траты полученных

другим супругом средств не на нужды семьи (стр. 62 диссертации), ошибочен, ибо от этого супруга требуется доказать, куда конкретно были потрачены средства, т.е. положительный факт.

18. Непонятно, почему автор полагает, что «приобретение актива, используемого в предпринимательских целях, не направлено на нужды семьи» (стр. 16 и 35 диссертации).

Одна из важнейших нужд семьи – зарабатывать деньги для финансирования расходов семьи, и в распространенной ситуации, когда семья живет на доходы от предпринимательской деятельности одного из супругов, приобретение им в кредит нежилого помещения или грузовика направлено как раз на нужды семьи.

19. Утверждение автора о том, что «особенность же общих обязательств супругов, а также обязательств одного супруга, по которым все полученное использовано в интересах семьи, очевидна: они позволяют привлекать к ответственности за неисполнение обязательства, в том числе, лицо, которое не является его стороной» (стр. 27 диссертации), противоречит тому, что в общих обязательствах уж совсем явно должниками являются оба супруга.

Это, кстати, признает и сама автор на стр. 129 диссертации, когда пишет, что «супруги несут солидарную ответственность личным имуществом по общим долгам (п. 2 ст. 45 СК РФ) и, следовательно, являются солидарными должниками по таким обязательствам».

Что же касается обязательств, где сделку заключил один супруг, но отвечают по обязательству оба в силу использования полученного на нужды семьи, также логичнее говорить именно о солидарных обязательствах обоих супругов как содолжников в силу отмеченной выше конструкции полномочий каждого супруга как товарища действовать от имени обоих супругов в интересах общего дела.

Это явно более логичная и понятная конструкция, чем предлагаемая автором идея того, что «совместный характер обязательства — это юридическая конструкция, которая в интересах кредиторов позволяет преодолеть разрыв между тем, на кого обязательство оформлено, и тем, кто является по нему выгодоприобретателем и ответственным» (стр. 90 диссертации).

По этой же причине мы не согласны и с мнением автора о том, что «чаще суды объединяют общие и совместные обязательства термином «общие обязательства» несмотря на то, что среди всех обязательств супругов совместные обязательства, очевидно, выделены законодателем в отдельную категорию» (стр. 27 диссертации).

На наш взгляд, как раз правы суды, ибо ответственность одного из супругов по обязательствам из сделки одного из них правильнее квалифицировать не как что-то отличное от общих обязательств, а как частный случай общих обязательств.

Показательно, что и п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве говорит только об общих обязательствах как о явно общей категории для всех случаев, когда отвечают оба супруга.

Так что в споре автора с Т.И. Нестеровой, на наш взгляд, права именно последняя, которую автор критикует за утверждение о том, что «совместный долг (пусть даже он изначально оформлен лишь на одного из супругов) изначально обременяет обоих» (стр. 90 диссертации).

Показательно, что на стр. 134 диссертации автор все-таки указывает на солидарный характер обязательств и для второй обсуждаемой ситуации: «предположим, стороной по договору является муж, но обязательство является совместным для супругов, так как полученные по нему средства были потрачены на нужды семьи. Спустя некоторое время после оформления обязательства в отношении жены вводится процедура банкротства. Учитывая, что обязательство для супругов общее, они являются солидарными должниками, поэтому кредитор имеет право обратиться с требованием о погашении всего долга к любому из супругов».

20. В связи с изложенным мы также не согласны и с указанием автора на то, что «было бы неправильным говорить, что уже в момент возникновения обязательства кредитор понимает, что контрагентом по нему будут оба супруга, даже если стороной договора является только один из них» (стр. 90 диссертации).

Так же как при продаже машины женатому покупателю продавец понимает, что в силу закона у него два покупателя, а не один, так же и при выдаче займа женатому заемщику займодавец понимает, что у него в силу закона два заемщика, а не один.

21. Показательно, что и приводимый самим же автором иностранный опыт говорит в пользу максимально широкого понимания общих обязательств семьи.

Так, на стр. 36-37 и 57 диссертации, анализируя право четырех американских штатов, предусматривающих законный режим совместной собственности, автор пишет, что «сама концепция общих обязательств в этих штатах является крайне широкой. Достаточно минимальной связи обязательства с общностью имущества супругов, чтобы обязательство одного из них было признано общим ... во всех четырех указанных штатах закон устанавливает презумпцию общего характера всех приобретенных в браке обязательств и долгов».

На стр. 40 диссертации автор указывает, что во Франции «ФГК устанавливает, что взыскание по любому долгу супруга, возникшему в период брака, может быть обращено на объекты совместной собственности (*biens communs*), за исключением случаев обмана со стороны супруга-должника и недобросовестности кредитора».

22. Жаль, что автор не обсуждает допустимость по российскому праву соглашения кредитора и супруга о том, что обязательство будет личным, о возможности которого по закону американского штата Нью-Мексико упоминает автор (стр. 38 диссертации).

23. На стр. 79 диссертации автор пишет: «если супруги предусмотрели брачным договором, что долги определенной категории, бывшие ранее общими, станут личными долгами одного из них, и не поставили об



этом в известность кредиторов. В этом случае, несмотря на такое изменение, взыскание обращается на все общее имущество супругов, а при его недостаточности — на отдельное имущество обоих супругов, так как изменение брачного договора не имеет силы для кредиторов».

Однако изменение состава должников в обязательстве с обоих супругов на только одного из них в принципе не может быть предметом брачного договора, ибо представляет собой перевод долга, для которого требуется под страхом ничтожности согласие кредитора (п. 2 ст. 391 ГК).

При заключении такого брачного договора он является ничтожным независимо от уведомления о нем кредиторов.

Показательно, что на стр. 88-90 диссертации как раз со ссылкой на п. 2 ст. 391 ГК автор обосновывает невозможность такого судебного раздела долгов, при котором долг одного из супругов становится долевым обязательством обоих супругов.

24. Трудно согласиться с автором в том, что «указание на целевой характер займа или кредита само по себе не является доказательством расходования средств на соответствующие цели» (стр. 65 диссертации), поскольку ставит и заемщика, и особенно выдавшее кредит лицо в довольно трудное положение, особенно с учетом того, что, как признает сам автор, на практике «денежные средства, полученные у третьих лиц, смешиваются с другими средствами супругов. В результате практически невозможно установить, что конкретные расходы были сделаны именно за счет заемных средств» (стр. 64 диссертации).

В рамках отстаиваемой автором позиции положение банка зависит от того, будет ли соблюдено заемщиком обещание потратить кредит на конкретную цель, при том, что никакой возможности контролировать использование денег заемщиком у банка нет, а просить всех заемщиков приходить в банк с другим супругом будет неудобно прежде всего самим заемщикам.

Показательно, что на стр. 38 диссертации автор пишет, что «в штате Висконсин презумпция [презумпция общего характера супружеских обязательств] становится непроверяемой, если супруг, подписывая договор, заявит, что обязательство принято в интересах семьи».

25. Странно, что автор пишет, что «система гарантий прав кредиторов, предусмотренная СК РФ на случай заключения, изменения или расторжения брачного договора, на указанные соглашения не распространяется, хотя, как нам представляется, должна» (стр. 77-78 диссертации), в то время как судебная практика, наоборот, применяет правила СК о защите кредиторов при заключении брачного договора к соглашениям о разделе имущества супругов (см. определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 сентября 2018 г. № 304-ЭС18-4364 и абз. 3 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»).

26. На стр. 93 диссертации автор критикует указание в судебном акте на то, что «в соответствии с ч. 3 ст. 39 СК РФ при разрешении спора о разделе общих долгов супругов следует распределить эти долги между супругами, а не делить их обязательства перед иными лицами», за то, что суд не указал, как именно можно распределить долги, не деля их. Нам же понятно, что имел в виду суд – раздел долгов происходит во внутренних отношениях супругов как товарищей путем определения их долей в обязательстве для целей регресса, но не в их внешних отношениях с кредиторами как солидарных должников.
- Именно на это указывает абз. 3 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», согласно которому «само по себе распределение общих долгов супругов между ними в соответствии с положениями пункта 3 статьи 39 СК РФ, произведенное без согласия кредитора, не изменяет солидарную обязанность супругов перед таким кредитором по погашению общей задолженности. Указанная норма СК РФ регулирует внутренние взаимоотношения супругов, не затрагивая имущественную сферу кредитора. Так, в частности, супруги должны добросовестно исполнять обязательства перед кредиторами согласно условиям состоявшегося распределения общих долгов (пункт 3 статьи 1 ГК РФ). В случае нарушения данной обязанности кредитор вправе потребовать исполнения обязательства без учета произошедшего распределения общих долгов; при этом супруг, исполнивший солидарную обязанность в размере, превышающем его долю, определенную в соответствии с условиями распределения общих долгов, имеет право регрессного требования к другому супругу в пределах исполненного за вычетом доли, падающей на него самого (подпункт 1 пункта 2 статьи 325 ГК РФ)».
- Критикуя этот подход, автор пишет, что он якобы «нарушает принцип обязательности судебных актов (ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), ст. 13 ГПК РФ)» (стр. 95 диссертации), забывая, что в силу субъективных пределов законной силы судебного акта он обязателен только для сторон, а не для всех частных лиц, не участвовавших в деле.
- Показательно, что на стр. 106 диссертации автор пишет, что в судебной практике США в случае, когда законным режимом также является режим общности супружеского имущества, «при расторжении брака суды распределяют долги между бывшими супругами. Однако признается, что кредитор не связан соответствующим решением, так как не является стороной бракоразводного процесса. Не связан он и распределением долгов, которое может состояться в результате заключения супругами соглашения о разделе имущества, причем даже в том случае, если такое соглашение в последующем станет частью судебного решения (например, будет утверждено как мировое соглашение). Поэтому, даже если по решению суда обязанность

выплачивать долг была возложена только на одного из супругов, кредитор тем не менее не лишится возможности взыскивать указанную задолженность с другого супруга» (стр. 106-107 диссертации).

27. Мы не согласны с тезисом автора о том, что распределение общих долгов и их последующее регулирование целесообразно проводить по модели долевых обязательств с пропорциональным ручательством, в рамках которой каждый должник исполняет свою обязанность и кредитор не вправе требовать всего долга от любого из должников, но в случае неисполнения обязанности одним из должников, эта обязанность в равных долях распределяется на остальных (стр. 14-15, 17 и 102 диссертации).

Такое решение снова противоречит уже отмечавшейся выше неизбежной связи общности долгов с общностью активов – если активы в совместной собственности, то и обязательства должны быть солидарными, а не долевыми.

Также оно приведет и к нарушению уже отмечавшейся выше невозможности перевода долга без согласия кредитора.

Не обеспечивает оно и признаваемое автором требование не ухудшить положение кредиторов по сравнению с тем, каким оно было до развода и раздела долгов – ибо до этого супруги отвечали солидарно.

Кроме того, с точки зрения названия все-таки точнее говорить не о пропорциональном ручательстве, а о субсидиарной ответственности одного из супругов за другого.

28. Когда автор пишет, что при системе раздельности супружеского имущества интересы кредиторов полностью защищены (стр. 108 диссертации), она не учитывает, что только в семье в силу взаимного доверия возможно постоянное нефиксируемое смешение активов (в т.ч. денег), которое делает крайне затруднительным определение принадлежности определенных активов конкретному члену семьи.

29. На стр. 112-115 диссертации автор с легкостью приходит к выводу о том, что «система отложенной общности в том виде, в каком она реализуется в Германии, наиболее сбалансирована с точки зрения обеспечения интересов супругов и их кредиторов в период расторжения брака и следующего за этим раздела имущества».

При этом остается неясным, чем же эта конструкция лучше, чем совместная собственность и совместные долги супругов.

Единственным прямо названным достоинством автор называет то, что «исчезает необходимость выяснения того, каким образом супруг, изначально не участвовавший в сделке, вступает в обязательство, и построения на этой основе целый научных теорий, служащих основанием для написания самостоятельных диссертационных исследований».

Однако необходимость такого выяснения, которую так отстаивает автор, сама является, как было показано выше, ошибочной. Достаточно признать презумпцию общности долгов и система общего имущества перестанет казаться менее удачной.

Кроме того, навскидку очевиден такой недостаток отложенной общности как отсутствие у супругов права действовать от имени друг друга, что противоречит браку как форме совместной деятельности.

Непонятно также, как в рамках отложенной общности решать вопрос о принадлежности движимых вещей, которыми владеют оба супруга.

Если в конструкции совместной собственности у каждого супруга есть крепкая вещная позиция в отношении совместного имущества, то в конструкции отложенной общности у него лишь есть заведомо более слабая обязательственная позиция.

Идея рассчитать стоимость прироста имущества супругов также явна слаба тем, что в отношении многих активов рассчитать их стоимость объективно невозможно.

30. Предложение автора решать вопрос о том, является ли обязательство должника, состоящего в браке, общим для него и его супруга, в отношении каждого требования, заявленного к включению в реестр (стр. 126-127 диссертации) представляется избыточным, поскольку если ни сам кредитор, ни должник, ни его супруг не ставят этот вопрос, то решение судом этого вопроса будет только без необходимости перегружать суд и стороны.
31. Когда автор на стр. 130 диссертации пишет, что «нормы, регулирующие реализацию имущества, не содержат правила о признании срока исполнения обязательств должника наступившим», она не учитывает, что в силу п. 1 ст. 213.1 Закона о банкротстве к банкротству граждан субсидиарно применяются правила о конкурсном производстве, которые как раз предусматривают обсуждаемое правило в абз. 2 п. 1 ст. 126 – и потому неверно мнение автора о необходимости аналогии закона для его применения при банкротстве граждан (стр. 131-132 диссертации).
32. Трудно согласиться с автором в том, что в ходе процедуры банкротства кредитор вправе вместо постановки вопроса об общем характере долга при включении требования в реестр обратиться с иском в суд общей юрисдикции о признании долга общим (стр. 135 диссертации). По нашему же мнению, этот вопрос может обсуждаться только в деле о банкротстве, поскольку, во-первых, он предполагает обсуждение вопроса о наличии долга у банкротящегося супруга, что является исключительной компетенцией банкротного суда, а во-вторых, в силу п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве обращение взыскания на общее имущество супругов также осуществляется только в рамках дела о банкротстве.
33. Удивляет утверждение автора о том, что законодатель не стал придерживаться при разработке норм о банкротстве граждан подхода практики ВАС РФ о реализации в деле о банкротстве индивидуального предпринимателя являющегося его общей собственностью с супругом предмета залога (стр. 147 диссертации).

На наш же взгляд, п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве и стал распространением на все общее имущество супругов подхода ВАС РФ к залогоу.

34. Жаль, что при обсуждении вопроса о включении регрессного требования одного из супругов в деле о банкротстве другого супруга автор не обсудила вопрос о том, подлежит ли оно субординации (как внешней (в отношении всех кредиторов) с учетом аффилированности супругов, так и внутренней (по отношению к основному кредитору) с учетом того, что включение его в общую третью очередь привело бы к ухудшению положения кредитора, который получил только частичное удовлетворение).
35. Можно обратить внимание на неучет автором следующих источников:
  - 1) Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М., 2020;
  - 2) Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909;
  - 3) Лавров Ю.Н. Имущественные правоотношения супругов в России. Дисс. ... к.ю.н. С.-Пб., 2003
  - 4) Злобина И.В. Собственность в семье: Проблемы правового регулирования. Дисс. ... к.ю.н. М., 2001;
  - 5) Краснова Т.В. Правовой режим имущества супругов в Российской Федерации. Дисс. ... к.ю.н. Тюмень, 2005;
  - 6) Шишмарева Т.П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ // Семейное и жилищное право. 2021. № 2;
  - 7) Шишмарева Т.П. Проблемы несостоятельности обособленных имущественных масс // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 3;
  - 8) Видеозапись совместного заседания Клуба семейного права и Банкротного Клуба 14 декабря 2020 г. по обсуждению реформы Семейного кодекса Российской Федерации в части общих обязательств супругов (<https://youtu.be/E6H9VdnQUIA>);
  - 9) Видеозапись обсуждения вопроса о соотношении п. 4 ст. 213.25 и п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве (где должен происходить раздел общего имущества супругов: в деле о банкротстве или вне его рамок) на заседании Банкротного Клуба 28 сентября 2018 г. (<https://www.youtube.com/watch?v=2UrT1D1CgXE>);
  - 10) Видеозапись обсуждения добанкротного раздела общего имущества для дела о банкротстве (опр. СКЭС от 24.09.18 № 304-ЭС18-4364) на заседании Банкротного Клуба 14 декабря 2018 г. (<https://www.youtube.com/watch?v=j6hHhMtVpSA>).
  - 11) Видеозапись обсуждения законопроекта о реформе общей собственности супругов в части совместного банкротства на заседании Банкротного Клуба 20 декабря 2019 г. (<https://www.youtube.com/watch?v=C8otitRISR>);

- 12) Зайцев О.Р. и др. Как правильно делить общее имущество супругов в случае его банкротства? (критика абзаца 2 пункта 6 проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ о конкурсной массе граждан) // [https://zakon.ru/discussion/2018/12/10/kak\\_pravilno\\_delit\\_obschee\\_imuschestvo\\_suprugov\\_v\\_sluchae\\_ego\\_bankrotstva\\_kritika\\_abzaca\\_2\\_punkta\\_6\\_](https://zakon.ru/discussion/2018/12/10/kak_pravilno_delit_obschee_imuschestvo_suprugov_v_sluchae_ego_bankrotstva_kritika_abzaca_2_punkta_6_)).
36. В связи с вышеизложенным мы полагаем, что диссертация Ломакиной Полины Александровны соответствует требованиям, предъявляемым Положением о присуждении ученых степеней (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор заслуживает присуждения степени кандидата юридических наук.

Председатель Банкротного Клуба  
магистр частного права,  
кандидат юридических наук

О.Р. Зайцев

Подпись Зайцева О.Р.  
уточняю.

Исполнительный директор  
Банкротного Клуба  
В.А. Савченко